

16+

ЧЕЛОВЕК

Дон Маэстро

Don Maestro

Человек

«Автор»

2014

Don Maestro

Человек / Don Maestro — «Автор», 2014

Человечество не смогло сохранить мир между собой. В скором будущем они развязали страшную войну друг с другом, которая забрала почти все их жизни. Павел был ребенком, когда все это случилось. Отец добрался с ним до небольшого города, расположенного на территории бывшего Рима, где им удалось найти таких же выживших, как они. Теперь Павел вырос, пережив смерть отца. Сумеет ли он прожить еще хоть немного, окруженный голодом, предательством, собственными мечтами и хищными людьми? В кого превратятся те, кого он знал? И останется ли самим собой сам Павел?

© Don Maestro, 2014

© Автор, 2014

Содержание

Эпиграф	5
1	6
2	8
3	11
4	15
5	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Don Maestro

Человек

Эпиграф

Человечество не смогло сохранить мир между собой. В скором будущем они развязали страшную войну друг с другом, которая забрала почти все их жизни. Павел был ребенком, когда все это случилось. Отец добрался с ним до небольшого города, расположенного на территории бывшего Рима, где им удалось найти таких же выживших, как они. Теперь Павел вырос, пережив смерть отца. Сумеет ли он прожить еще хоть немного, окруженный голодом, предательством, собственными мечтами и хищными людьми? В кого превратятся те, кого он знал? И останется ли самим собой сам Павел?

1

Страх – очень странное явление. Он может убить, или станет единственным, что тебя спасет. Проносясь через иногда густые, а иногда сухие ветки деревьев, Павел словно не замечал, как больно они могут бить. В его ушах до сих пор звенел пронзительный крик дикаря, с которым тот прикончил Эриксона. И сейчас, пробиваясь сквозь ветки и перепрыгивая выступающие корни, Павел продолжал бежать к спасительным стенам города, подгоняемый криками преследующего его убийцы. Лишь удача и невероятная реакция смогли спасти его минуту назад, когда он успел увернуться от срубающего удара топора, но он не знал, хватит ли ему этого, чтобы выжить. Дикарь продолжал преследовать его, он знал этот лес не хуже Павла, поэтому любая ошибка могла стать роковой. Кроме того, дикарь был не один. Ему помогали еще пара таких, как он, и от их криков сердце Павла наполнялось страхом. Он не помнил, бежал ли он когда-нибудь также быстро, как сейчас. Но убийцы не отставали. Лес казался ему бесконечностью, а побег бессмысленным. Но он боролся. Он не хотел закончить как Эриксона, его дома ждет семья: жена и дочь. Но пробегая под очередной веткой, Павел вдруг споткнулся об выступающий корень и беспомощно рухнул на землю. Нет! Ему нельзя падать, только не сейчас! Через секунду он услышал глухой удар, и бросив быстрый взгляд в сторону донесшегося звука, он понял – топор, который сейчас торчал в стволе дерева, предназначался его голове. Резко вскочив, он бросился в сторону города еще быстрее. Одна ошибка вопреки своей природе спасла ему жизнь, но вторая могла прикончить. Промажнув еще пару десятков метров, наконец он увидел как ряды деревьев подходят к концу. Впереди была пустая, открытая местность, которую жители города еще давно специально очистили, чтобы никто не мог подкрасться незамеченным к стенам города. И когда Павел вылетел на открытый участок, то не переставая бежать, завопил во все горло. Это привлекло внимание стрелков, которые наблюдали за местностью с высоты некоего подобия башен. Заметив человека, они вскинули винтовки, но не спешили стрелять. И когда один из них рассмотрел в бинокль лицо орущего человека, то немедля криком предупредил остальных, что он свой. Тогда стрелки взяли под наблюдение полосу леса, готовясь выстрелить при первой же возможности. Но кажется, Павла больше никто не преследовал. Дикари четко знали, что за деревьями их жизнь может быстро оборваться. И пусть они ненавидели свои жизни, но расставаться с ними не спешили.

Павел знал это, но продолжал бежать без оглядки, все также невероятно быстро, пока не прошмыгнул в узкую щель приоткрытых для него ворот, и тотчас рухнул на землю. Тяжело дыша, он распластался на земле, все еще не веря, что остался жив. Он сразу вспомнил, как увернулся от первого удара, вспомнил торчащий в стволе дерева топор, звук его глухого удара и этот бешеный, сумасшедший, жаждущий крови крик дикаря. Он вновь увидел смерть Эриксона, но не мог разглядеть в своем воображении лица убийцы.

– Павел! Павел, мать твою, ты жив?!

Павел стал вертеть головой, оглядываясь по сторонам. Над ним нависла толпа, все ждали хоть звука.

– Я... Я в порядке, – старался как можно более твердым голосом сообщить Павел. Его речь прерывало все еще частое дыхание, но он понимал, что должен кое-что рассказать. Хотя все прекрасно знали, что.

– Эриксон... мертв. Я видел, как его...

– Хорошо, что они не прибили вас обоих, – подкуривая сигарету, не дал ему закончить Лавров. Он был самым старым из стрелков, по сути, главным среди них. Его уважал каждый в городе, или боялся. Лавров был самым метким среди всех, говорил редко, только четко и по делу. Держа зубами сигарету и прищурился от дыма один глаз, он продолжал разглядывать Павла. Тот, наконец, отдышавшись, сел.

– Мы наткнулись на животное, тихо убили его. Я повернулся к Эриксону, хотел было похвалить мальчика за выстрел, и увидел, как над его головой занесен топор. Я даже сделать ничего не успел. Тут же попытались ударить и меня, но я увернулся. Бросил дичь, и понесся прочь. Лук остался там же.

– Значит, теперь у них есть дальнобойное оружие. Это создает дополнительную опасность для нас, – сказал один из стрелков.

– Это не наша ошибка. – спокойно сказал Лавров. – Я уверен, оно у них было и раньше. Не у всех. Нам везло, мы натыкались на тех, у кого не было. – Лавров взял паузу и сделал затяжку. – Городу они не опасны. Я не видел ни одного дикаря, у которого в руках было хоть что-то из того, что стреляет пулями. Или хотя бы стрелами. Стрелять из лука нужно уметь, а для этого нужно тренироваться. Но они слишком заняты войной друг с другом, чтобы иметь время на что-то подобное. Я сомневаюсь, что у них хоть раз был шанс просто выспаться.

Лавров был прав. Он знал, о чем говорил. Он сам бывший охотник, друг отца Павла. Они охотились вместе, до тех пор, пока одного из них не сразила тяжелая болезнь. Тогда умирающий взял обещание с Лаврова, что тот позаботится о его сыне. Тогда Лавров и начал обучать Павла мастерству охотника. Он готовил его, как замену себе. В городе может быть всего два охотника, но он знал, что его авторитет позволит Павлу быть выбранным.

– Павел! Черт возьми, Павел! Ты жив? – спотыкаясь и запыхавшись ко все еще лежащему Павлу бежал его близкий друг – Артур. Эти ребята были не разлей вода, настоящий нонсенс среди жителей города. Их дружба была чем-то нереальным потому, что встретились они непосредственно в городе, познакомились в Эбиссе¹. Да, именно так называли город его жители. Император звал его Изхелл, а люди – Эбисс. Смысл один и тот же, но жителям казалось что одного эпитета мало, чтобы описать беспомощность и гнойность этого места. Здесь все относились с опаской к друг другу, именно поэтому дружба Павла и Артура вызывала у многих недоумение – они не спасали друг другу жизни, не были знакомы до катастрофы. Павел появился в городе раньше, еще когда ворота были открыты. Позже пришел и Артур – с маленьким мальчиком под руку. Дети, вот что было частью их единения. Но дети были у многих, а больше у них не было ничего общего. И тем не менее, крепче этой дружбы не были даже стены города.

– Я в порядке, Артур. Эриксон погиб. Ты бы видел это. Хорошо, что ты не охотник. – Павел, наконец, встал. Ему почудилось, что у него кружится голова. Звук врезающегося топора то и дело раздавался у него внутри.

– Мне нужно к семье. Они тоже ждут живого Павла. Надо показаться, что ли.

Уходя от толпы любопытных, Павел остановился возле Артура, оптимистически ему улыбнулся, как бы говоря, все будет хорошо, похлопал по плечу, и двинулся в сторону своей небольшой лачуги. Он пытался скрыть под всем этим горечь, но словно преступник-новичок, оставил множество следов.

---

¹ Эбисс – с англ. Abyss – Бездна

2

– Здравствуй, милая!

– Папа!

Павел очень любил свою дочь. Как будто могло быть иначе. Не меньше он любил и свою прекрасную жену, которая, право, уже давно не столь прекрасна, как раньше. Но он так не считал. Для него она по-прежнему предмет обожания и ревности. Павел один из немногих в этом городе, кто после катастрофы продолжил жить.

– Какие новости? Все прошло удачно, как всегда?

Далеко не всегда бывало удачно. Но Лорел всегда считала, что Павел выжимал из охоты максимум возможного. Даже зная, что в доме часто не бывало мяса, для нее ее муж – перво-классный охотник.

– Эриксон погиб. – Павел решил начать с менее тяжелой новости.

Лорел испуганно приоткрыла губы. Движение было медленным, но четким. Казалось, оно очень верно ударило по самому сердцу, как будто в момент боли человек осознал, что удар ни прошел мимо.

Для нее Эриксон был хорошим другом, но прежде всего – охотником. Охотником соглашался быть не каждый, и их всегда должно быть двое. Если охотник останется один, его никто не выпустит за стены города, просто потому, что он станет рекордсменом по самой быстрой смерти. Глупой смерти.

– Мама, а мы что, сегодня опять голодными будем?

Вот она. Главная плохая новость. У Павла словно что-то кольнуло в груди. Он боялся услышать это. Еще больше он боялся услышать это очередное «опять». Вчера, сегодня, завтра. Вечно голодны. А ты – охотник, ты должен удалять эти слова. А вместо этого тебя постоянно ими бьют, кунают, так больно-больно ранят.

– Придется потерпеть, доченька. Я что-нибудь придумаю, Мариш.

Лорел смотрела на него сочувствующим взглядом. Она знала, что он здесь переживает по поводу случившегося больше всех. Его друг погиб, его семья голодна. Он попал в очередной ад, похуже Изхелла.

Павел подошел к Лорел и еле слышно сказал:

– Я схожу к мяснику. Он мой друг. – Лорел пыталась было его перебить, но Павел положил палец ей на губы и продолжил – да, шансов мало, но ты бы не попыталась?

Прикрыв хлипкую дверь, Павел уверенным шагом двинулся к мяснику. В его воображении объявился кусок хлеба, и Павел почувствовал, что стал сглатывать слюну слишком часто, едва не роняя ее на пол. На территории Изхелла было не очень много свободной и пригодной для зерновых культур почвы, а потому хлеба, впрочем, как и много другого, было в обрез. Павел знал, что получить что-то сверхнормы было почти нереально, но попробовать стоило. Кроме того, он знал, что вскоре Император вызовет его к себе, для объяснений, а ждать этого момента дома, посматривая на неискренне радостную семью, которая делала бы все, чтобы скрыть досаду от неудачной охоты, он не мог. Пусть и делалось это ради него.

Добравшись до лавки Дэрела, Павел собрал всю силу своей добродушности и с распростертыми руками обратился к мяснику:

– Хэй, Дэрел, здоровяк, что сегодня на ужин?

Дэрел был мясником, и каждый в городе уважал его и старался сохранить с ним добрые отношения. Дэрел не только рубил туши, но и выдавал каждому жителю его долю. Это касалось не только мяса, но и любой другой пищи, в том числе хлеба. Ситуация с едой в Изхелле развивалась по-разному. Первые дни ее было много, люди все равно ели все подряд. Ловили сбежавших из зоопарка животных, варили специальный клей, которым обмазывали деревья, чтобы

поймать случайную птицу. Первое время Колизей был полон кошек, пока их всех не съели. Некоторые время удавалось даже разводить коров, но это было слишком сложно для Эбисса. Город не потянул таких животных, и с ними пришлось расстаться. Сейчас остались лишь свиньи да парники с овощами. Павел научился ценить еду. Жевать её долго, тщательно. Так, чтобы её привкус мог задержаться во рту. Единственное, чего здесь всегда было в достатке, это рыбы и питьевой воды – питьевые фонтанчики еще со времен целостности города неплохо пережили катастрофу. Но по мере обоснования на земле, получения новых благ, утихания последствий катастрофы, люди стали требовать чего-то нового. Так и возникли охотники. Люди, что ловили людей и животных, выбираясь за стены города, туда, к дикарям. Всего два охотника и один повар – вот три человека, стоящих на первом месте после Императора и его свиты, которой у него не было. Император ни с кем не дружил, были лишь те, кому он доверял. Своим охранникам и паре человек, которые от его имени контролировали исполнение приказов.

Во время выживания и поедания всего подряд повара ценились особенно высоко, не менее тех, кто эту самую пищу приносил. У таких людей всегда были свои привилегии – первые в очереди, лишний кусок мяса. Большинство ради этого и идут на тренировки в охотники. Но многие, прошедшие этот адский труд и мучения болью в теле, ломаются, когда открываются ворота города, и наотрез отказываются идти за его стены.

– Я слышал, что случилось с Эриксоном. Ну, знаешь, маленький городишка, мало людей, информация ходит быстро.

– Интересно, выходит ли что за стены? – ухмыльнулся Павел.

– Так вот, я сочувствую.

– Спасибо. – Павел сделал паузу. – Сколько на сегодня порций?

– Немного. Хватит очень немногим.

– Дэрел...

– Я понимаю, у тебя дети, семья, но многие давно не видели куска мяса. К тому же, ты провалил охоту, ты знаешь правила.

– Дэрел, моей дочери не просто неприятно, когда она голодна. Она уже боится этого. Каждую охоту так. Иногда я задумываюсь, больше она боится моей смерти или же возвращения с пустыми руками. Хотя, это одно и то же.

– Я все понимаю. Но правила есть правила. Если я позволю тебе взять лишнее, то в следующий раз на твою тарелку попадет вырезка из моей лопатки.

– Да, ты прав. Прости. Я не знаю, что делать. Эриксон погиб. Одному мне на охоту не пойти. Когда она еще поест мяса?

– Ты справишься. Ты всегда справлялся. Это тебя отличает. Ты единственный из нас всех, кто в состоянии выжить где угодно.

Павел ничего не ответил. Он понимал, что его больше заботит не то, выживет ли он, а то, не умрет ли с голода его дочь. И все это понимали. Вот только правила есть правила – провалил охоту, лишнего не получил.

Уныло повесив голову, Павел побрел домой. Но тут кто-то вскрикнул, и Павел оглянулся. Кто-то засмеялся. Ничего особенного, просто житейские моменты. Их осталось мало, таких моментов, как и людей в городе. Те, кто были близко к городу, либо внутри, либо мертвы. Стоит отметить, что место выбрано достаточно удачно. Тут тебе и питьевые фонтанчики, и Колизей, и рыба. Рядом с Изхеллом был небольшой островок, там вполне можно было бы обосноваться, если б его постоянно не затопляло. А строить водные укрепления у людей не было никакой возможности. Каждый житель Изхелла носил в своем сердце страх, передвигался со слабостью в каждом шаге. Никто не был уверен в следующем дне – стены достаточно слабы, их спасает только большое удаление от леса и здоровая простреливаемая площадь между городом и деревьями. Дома людей тоже не были особняками вечности. Их собирали из частей разрушенных снарядами жилых зданий, что были здесь раньше. Большинство из них все равно не были ни

на что пригодны, будучи либо разрушенными полностью, либо выглядящими так, будто это случится прямо сейчас. Дома, построенные жителями Изхелла из чего попало, почти всегда без окон, без дверей – они служили одновременно всем и ничем. Там готовили, там спали, там рожали и умирали, и, вместе с тем, эти дома не давали никакой надежности, случись непредвиденная ситуация. Никакой защиты. Как они к этому привыкли. И все же, на стенах стояли стрелки, у города были охотники, удачное место, и на него никто не нападал. Но если нападут? Кто знает, сколько продержатся эти стены при серьезном нападении? Хотя, разве в этом мире хоть что-то держится долго?

Вскоре Павел дошел до своего дома. Домика. Лачужки. У него хотя бы была дверь. Но никаких окон, только щели. Правда, по размерам, сопоставимые с окнами. В углу стояла кровать, рядом еще одна. На одной спал сам Павел, на другой его дочь и жена. В другом углу остатки некогда работающей плиты – теперь она лишь площадка для костра. Какие-то места на стенах были обернуты газетами, где-то шкурами – это как-то помогало сохранять тепло. У большинства жителей города даже газет почти не было, не говоря о шкурах. Слева от двери стоял стол, который Павел заново собрал из обломков. Но были и стулья – тут Павлу повезло, его семья всегда ужинала вместе.

Войдя, он увидел своих родных за готовкой, они молча взглянули на него и все поняли. В прочем, другого никто и не ждал. Из того, что было, они лепили кашу. Именно лепили, иначе назвать это нельзя. Рыба, молодые листья подорожника, моллюски, лепешки из муки, сделанной из съедобных корней, чай из различных трав.

Вполне сносно, в общем. Котелок у них остался еще со времен, когда Павел с отцом добирались до города. Он не был мастером выживания на момент катастрофы, но ему пришлось им стать. Слишком сильно он любил жизнь своих родных.

И сейчас он смотрел на семью, где уже сам был отцом, и ему было стыдно. Он хотел большего. Хотел, чтобы у них была теплее одежда, сытые животы, хорошая память, хоть о чем-то, в конце концов. И всего этого он не мог им дать. А до какой же боли хотелось... В эту секунду он решил, что так дальше продолжаться не может и пора что-то менять. Он лег на жесткую кровать, и задумался.

3

Игры были особым действием в Изхелле. На них всегда собирался почти весь город, кроме тех, кто считал их извращением и бессмысленной жестокостью. Среди последних были Павел, его семья и Артур с сыном. Но это не волновало Императора. На разбитый, почти уничтоженный Колизей, от которого осталось лишь пара внутренних колец, и площадка которого была значительно уменьшена приказом Императора, по-прежнему приходило достаточно много людей, чтобы не переживать о популярности мероприятия.

Колизей – был одним из первых мест, работой над которым занялся Император, только придя к власти. Он понимал, что людям нужно забывать не только о проблемах в их жизни и мире, но и об адových законах. Император не разрешал молиться и быть религиозным – разрешались молитвы лишь в адрес его самого. Император не считал, что у жителей может быть иной Бог, кроме как он сам. Запрещено было и иметь несколько детей в семье, так как потребление жителей и так находилось на очень высоком уровне. Сюда же, под категорию «нельзя иметь» попадали смертельно больные дети – диабетики, туберкулезники. Их требовалось казнить.

Мало кто из здешних помнит его малышом Бобби. А вот себя он прекрасно помнил. Забитый, вечно испуганный, лысый. Да, уже с ранних лет на него смотрели косо. Бобби боялся себя, а остальные боялись его. Никто не знает, почему он так рано полысел. Хорошие врачи тогда были невозможной роскошью, впрочем, как и в любой день после.

Этот мир слишком рано стал для Бобби Изхеллом. Отец в среднем выдавал в день с десяток издевок над ним. Мать так и не отошла от шока катастрофы, будучи слабой внутри, она даже и не думала о том, что может быть за стенами. Только иногда поглядывала на засов, просто не издавая и звука. Она почти не участвовала в жизни семьи, да что там, ей и своя то была не слишком нужна. Ей все казалось порождением ада, и Бобби тоже. Его такая молодая, но лысая голова... Она ее даже ни разу не коснулась.

Бобби было страшно до всего. Он боялся закрыть глаза, боялся и открыть. Удивительно, насколько способен измениться человек. Однажды он увидел Колизей на фото, и не поверил. Неужели такое сотворили руки человека, такие же руки, как у него? Неужели Чингисхан, Александр тоже были людьми? Как Кутузов, одноглазый, невысокий, своим умом ставил на колени армии крепких, выносливых мужчин, во главе с таким же незаурядным умом? Да, все же были плюсы в этой семье. Бобби любил читать и в его убежище сохранилось множество книг. Это один их незапрещенных Императором моментов. Он позволял читать, чтение, по его уверениям, успокаивало людей, давало им возможность уплывать мыслями от проблем. В тоже время, знакомство со многими героями делало людей морально выносливыми и сильными. А это помогало держать этот чертов город на плаву, так как он жил только благодаря этим людям внутри, терпевшим все и никуда не убежавшим. Со временем вера Бобби в собственное «Я» крепчала, он научился строить стены внутри себя, отгораживая все и всех ненужных. Когда умер его отец, и он увидел его, беспомощного, сраженного тирана, человека, от щелчка которого Бобби улетал в противоположный конец комнаты, причем, больше от страха, чем от силы, то он вдруг понял – все физическое сокруσιμο. Гиганта сразила бактерия, которая просто методично и с расчетом уничтожала клетку за клеткой в его организме.

Но в его цели не обязательно было уничтожать все. Нет. Он хотел завоевать. И управлять. Всю жизнь им помыкали, вытирали им пол, пора перестать быть малышом Бобби. Пора построить свой мир, новую жизнь, изменить людей, потому что сами они никогда не изменятся. Пора склонить толпу. И Император поднял руки:

– Я приветствую Вас!

Толпа неистовствовала. В такие моменты он ощущал – весь мир у одних ног. Она боялась его, но какой-то частью и любила. Пусть при Императоре им и было страшно за свое пусть

жалкое, но будущее, но они не сильно о нем задумывались. У них была еда, появились охотники, были и развлечения. Совсем неплохо для апокалипсиса, правда?

Да, у них не было ничего за пределами стен. Не было и свободы. Но пока их никто не убивал, им было все равно.

– Еще один солнечный день в аду, дорогие друзья! Вы снова пришли на игры!

Вопреки всей жестокости мероприятия, Император не позволял убивать гладиаторов. Только по большим праздникам. Уж больно тяжело было их заменить. Однако сегодня был именно такой день – Эриксон погиб, и Император хотел дать жителям крови. У него в катакомбах под Колизеем жила парочка подходящих для смерти заложников – они были пойманы достаточно давно, в лесу, и теперь тряслись перед каждым игрой у входа. Никто не знал, когда Император позволит убить. Но создавалось ощущение, что на каждой игре в это искренне верили. Даже многие из тех, кто был в катакомбах. Среди них было немало слабых – они боялись смерти, но страшно её желали, просто, чтобы этот кошмар в их жизни, наконец, закончился. Император обещал заслужившим особое положение гладиаторам свободу, но многие либо в это не верили, либо понимали, что они не те, кто может творить чудеса на арене. А роль пушечного мяса их не особо прельщала.

Большинство битв происходило на деревянных мечях, но только не сейчас.

– Наши дни редко заканчиваются так, как этот. Но, сегодня, кое-кто прикончил нашего товарища. Разве мы позволим этому так уйти?! – толпа отрицательно заорала. Они жаждали зрелища, они его получают. – Помните, я всегда на вашей стороне, и сегодня я хочу вновь дать вам то, что вы просите! Привести их! И на арену поволокли худого, израненного гладиатора. Он совсем не был похож на того, кого вообще зовут гладиатором. Тощий, побитый, испуганный, он закрывал лицо руками, словно солнце жгло его больнее призывов с трибун разорвать его в клочья. Он понимал, он все слышал. Но зная, что его ждет смерть, он, все равно, даже не старался проявить мужество. Не пытаясь подняться на ноги, он позволял волочить себя цепью. Его хлытали, требовали встать, но тот лишь беспомощно дополз до ног императора и взмолился о пощаде. Это польстило правителю. Он довольно ухмыльнулся и ногой откинул гладиатора назад.

– Ничтожество! – Заорал он, и пошел к своему месту. Толпа громогласно соглашалась с ним. Добравшись до своей скамьи, он величаво присел и попросил освободить пленника. Вскоре тому разъединили оковы и оставили на арене. Гладиатор заметался как мышь в клетке, ожидающая хищника из любого угла. Когда ему бросили меч, тот уставился на него со страхом и ужасом, понимая, что ему придется его взять и что-то с ним делать. Опустившись на колени, он приподнял его двумя руками и начал молиться своим Богам. О прощении.

– Это твоя сцена, Каратель. Добро пожаловать! – Император взывал ко второму гладиатору.

Карателем звали человека, который также не сильно был схож с гладиаторами, к которым мы привыкли. Но в его руках была необъяснимая сила, а во взгляде смерть. Он нес ее всем пленникам, кого выводили на арену погибать ради шоу. Он был чрезвычайно ловок, быстр и умен. Каждый, кто выходил против него, был обречен. Еще не было никого, кто держался против него больше трех минут.

– Режь его подольше! – зная о выше сказанном просили зрители.

Каратель вышел на арену и поднял руку вверх, откланявшись затем. Да, он знал, как склонить к себе толпу. Учитывая его роль во всем этом, это было просто. Затем, словно выполняя просьбу толпы, он стал медленно кружить возле соперника, как делает хищник со своей добычей. Покручивая меч в руке, он ждал. Он хотел, чтобы напали на него. Но противник явно боялся делать хоть что-то по отношению к Карателю. Каждый его шаг был шагом назад. Держа меч двумя руками, он все пятился и пятился. Когда он, наконец, достиг первого кольца зрителей и уперся спиной в стенку, зрители дружно захохотали и загудели, толкнув его вперед. Тот,

не устояв, рухнул перед Карателем. Испугавшись того, что он так близко к смерти, гладиатор вновь пополз назад, перевалившись на спину. Каратель не выдержал. В конце концов, любому хищнику рано или поздно надоедает играть с добычей, и он её съедает. Сделав выпад вперед, он полоснул мечом по щеке пленника. Тот тут же вскочил, выронив меч. Толпа одобрительно заорала. Кровь. Первая. И ее еще будет много.

Пленник, кажется, наконец, понял, что никто не станет его щадить. И, дрожа, взяв оружие, посмотрел на Карателя полный решимости. Занеся меч, он рванул вперед, и попытался ударить. Но Каратель ловко увернулся от противника, отложив ответный удар.

Толпа продолжала орать сквозь смех. Пленник вновь занес меч и попытался нанести новый удар – в этот раз, Каратель, закружившись вокруг своей оси, полоснул мечом по телу противника, оставив на том легкую, но кровоточащую царапину. Следом, нанеся еще удар, он пометил раной спину соперника. И тогда, разъярившись, пленник понесся на карателя со шквалом ударов – тот, грациозно уворачиваясь от каждого, наносил по ране. Терпя боль, пленник продолжал идти в бой. Но ни один его удар так ни разу и не достиг цели, а Каратель продолжал развлекаться. Вскоре тело пленника стало похоже на ситце для чая, а его лицо на измученную гримасу Иисуса. Единственное, что различало их эмоции в тот момент – пленник не сдавался, и продолжал яростно метать мечом, потому на его лице горела злость. Страшным, горячим огнем.

Каратель в этот раз сам пошел вперед, сверху вниз он нанес удар по стоячему сопернику, который был отбит, и тут же получил шквал ответных. Не успев крепко ухватить меч, Каратель неуклюже подставил его под удары пленника, и с каждым звоном его меч все ближе и ближе прижимался к его груди. И когда очередной удар пленника обрушился на меч Карателя, тот потерял контроль, и два следующих ударили по его груди. Раны остались глубокими и зияющими.

– А паренек то брыкается! – засмеялся в голос Император. Люди, что сидели рядом, засмеялись вслед.

Кажется, для Карателя игры кончились. Ему надоело это шоу, и он схватил свой меч покрепче, полный решимости закончить, что начал.

Отойдя на небольшое расстояние, он взглянул на пленника. Тот был воодушевлен и одновременно испуган тем, что сделал. Теперь уже он держал меч одной рукой, ему казалось, что он вдруг обрел мастерство. Но в тоже время он жутко боялся Карателя, особенно, когда смотрел ему в глаза. И вот, Каратель, сделав шаг навстречу противнику, крутанулся и нанес удар. Пленник его парировал, но следующий, который прилетел ему рукояткой меча в челюсть, он блокировать не смог. Оглушенный, он схватился за лицо, а Каратель ударил еще раз. У молодого подчиненного Императора хватало и хладнокровия, и ярости, чтобы наносить удары четко и с силой. И ударив еще раз в челюсть противника, развернув его обрушившейся на него силой, Каратель, схватив пленника за волосы, выставил его шею напоказ. Его не волновало, что думает толпа или Император, он собирался убить.

И прислонив меч к коже противника, быстро и глубоко вскрыл ему шею. Кровь захлестала из открытой раны, а Каратель, держа за волосы голову жертвы, стал отодвигать ее чуть назад, открывая рану еще больше, чтобы кровь била еще сильнее.

Пленник умирал под оглушительный гул толпы, бросая на них затухающий взгляд и неслышно бормоча молитву.

Когда красный фонтан закончил бить, Каратель с небрежностью бросил жертву на песок. Он сделал свою работу. Еще будучи совсем молодым, он пропитался желанием убивать, когда на его дороге к городу маленькую девочку, что он когда-то подобрал, убили дикари. Каратель, казалось, тогда спасся, но все человеческое в нем погибло с последним вздохом его маленькой подруги. И вот уже на протяжении многих лет он ждет, когда Император позовет его, чтобы тот мог восполнить чувство мести еще сильнее.

Император хорошо разбирался в его переживаниях, поэтому, когда Каратель, закинув меч себе на плечо, с которого капала кровь, двинулся прочь с арены, спокойным и размеренным шагом, не поднимая взгляда на толпу, тот не стал его останавливать.

– Кровь за кровь, дамы и господа! – Поднявшись, проревел Император. – Пусть каждый, кто решил посягнуть на наши жизни, знает, что его ниточка тоже оборвется.

Толпа подхватила слова правителя своими возгласами. Ей явно понравился настрой своего лидера. Игры – этот тот момент, когда город был почти един.

4

Павел все еще лежал на своей кровати, когда в дверь постучали. Это был требовательный стук, словно говорящий, что ждать не собирается. Павел понял, что за ним пришли.

– Император вызывает к себе, – услышал он, когда отворил дверь.

– Я готов.

Вместе они пошли к церкви Санта-Франческа Романа, где организовал себе дом Император. Смешно. Разве нет причин смеяться, когда называешь дом Императора церковью? Лишь Арена Колизея не имела в этом городе других унижающих имен. Все остальное – дом любого жителя – разве это дом? Церковь, в которой живет дьявол. Стены, через которые можно перепрыгнуть с шестом... Весь город – одна сплошная ирония.

Церковь изрядно пострадала во время войны, но все еще крепко стояла. Даже алтарь с иконой Мадонны остался цел. Павлу никогда не нравилось, как она выглядела снаружи. Она казалась ему образцом безвкусицы, таким же скучным и простым, как лысая голова Бобби. Но внутри она была другой, как и сам Бобби. Внутри он был Императором, и церковь, казалось, вторила ему. Павла поражало ее убранство, её потолок, который немного осыпался, алтарь – господи, как же красиво, думал он каждый раз.

Бобби был не единственным ребенком в семье. У него был брат, который также претендовал на место. Пока городом правил их отец, братья готовились заменить его. Отец даже не думал о Бобби как о претенденте. Отец обладал незаурядным умом, чего, как он считал, не было у его несчастного сына. Семья Бобби сколотила состояние после войны, устроив бизнес с товарами, которые были в числе первой необходимости для выживших. Какой из этого пацана бизнесмен, думал он. Да он об бумажку боится порезаться. А Бобби продолжал читать и вынашивать ненависть внутри себя. Вскоре многие, кто приходили к ним в дом за товаром, стали оставаться жить поблизости. Количество таких людей быстро росло, и семья решила создать свой город. Правителем стал отец семейства. Жители относились к нему с уважением, но без особой любви. Он мало думал о безопасности города, он лишь хотел, чтобы его магазин становился все больше и больше. Именно магазином и был для него город. Позже он заболел. Никто не знал, что это за болезнь. На удивление, среди всех жителей не оказалось ни одного доктора. Тогда отцу пришлось выйти к жителям и объявить о дне выборов – из братьев только один должен был стать правителем.

Тогда Бобби начал действовать. Он переговорил лично чуть ли не с каждым жителем, выступал на вечерах у Барда, и каждому обещал то, чего тот желал. Каждый житель продолжал в душе хранить надежду на новую жизнь, и верил любому оазису в пустыне.

Никто не ожидал такой прыти от малыша Бобби. Но молчаливый паренек, вопреки всему, стал превосходным оратором. Он быстро заразил своими идеями город, и вот уже, когда было нужно выбрать лидера, Бобби вышел победителем. Это был последний день жизни его отца. Его брат ненадолго пережил этот момент.

Все помнят, как Бобби закрыл ворота города. Его отец пускал сюда всех, кого смогла довести судьба. Но запасы города истощались и чем больше приходило людей, тем меньше они получали еды. Люди погибали от голода, но у отца не получалось выправить ситуацию. У Бобби же был план по развитию города и когда он, к своему счастью, наконец, стал правителем, он закрыл ворота Изхелла для всех. К слову, именно он назвал его Изхеллом. Раньше у этого места не было имени, но Император решил, что должен как-то назвать своего ребенка и выбрал Изхелл. Ему было плевать, что подумают люди, ему нравилось, как это звучало. Он лично руководил закрытием. Стоял и смотрел, как медленно опускается засов. Спустя время, к городу подошли люди и стали стучаться в ворота. Но никто им не открыл. Жители говорили, что даже ночью слышали их голоса. Они словно спали в кошмаре. Кто-то даже оставался у

дверей днями, надеясь, что все же, однажды его пустят. Но потом выходили люди и доставали оружие. Они направляли его на несчастных ожидающих и прогоняли тех в лес. Кто-то однажды заикнулся, что это жестоко и сам чуть не оказался за стенами, навсегда запомнив, что тогда сказал Император: «Это просто естественный отбор. Не готов бороться, можешь идти и сдохнуть».

Вход в церковь всегда охраняло несколько людей, вокруг нее тоже всегда ходили патрули. Церковь в Изхелле была самым недоступным местом. Охранник, сопровождавший Павла, огромной ручкой постучал в двери. Вскоре они отворились, и другой охранник пригласил Павла войти.

Император встречал гостя стоя у алтаря, разглядывая его. «Да, это покусней моих бревен будет», подумал Павел.

– Мои соболезнования, охотник, я знаю, он был вашим другом.

«Ты все знаешь», продолжал молчать Павел. Он не любил Императора – за его законы, за игры, и его бесило, что он сам ничего не может изменить. Он хотел другого правителя, но никто бы его не поддержал. Наверное, даже Артур не стал бы участвовать в перевыборах. Все пытаются убежать от действий, так или иначе.

– Мы отомстили за него, но у нас слишком мало гладиаторов, чтобы делать это после каждой вылазки. Что там случилось?

Павел сухо рассказал, что случилось в лесу. Его раздражало повторять эту историю раз за разом. Это заставляло его погружаться в воспоминания, а ему совсем не хотелось переживать эту историю снова и снова. Сколько можно?

– Прискорбно. Но мы не можем долго горевать об этом. Тебе надо оправиться и выбрать нового напарника. Жителям нужно мясо. И им нужно знать, что это лишь единичное недоразумение.

Недоразумение... Он называет смерть Эриксона недоразумением! – восклицал внутри себя Павел. И как у него получается говорить это, стоя напротив алтаря, не сгорая от праведного гнева Всевышнего! Там на небесах, есть вообще кто-нибудь, кроме Эриксона?

– У тебя есть человек на примете? – продолжил Император.

– Боюсь, что нет. – ответил Павел. – Все опытные бойцы заняты стенами, а брать юнца с собой в такие походы – смерть для нас обоих.

– А как же твой друг – Артур?

– Я достаточно потерял друзей.

– Послушай, мы потеряем целый город, если охота не возобновиться. Психика в апокалипсис – шаткая. Они восстанут, как только перестанут получать то, что имели по расписанию.

– При всем уважении, Император, боюсь, я не могу этого исправить. Может, вы пойдете со мной в поход?

Император не ожидал такой дерзости. Но показаться трусом он тоже не хотел.

– И оставить город без управления? Позволь анархии хоть на секунду появиться, она уже не остановится.

– Хорошо, я посмотрю, что можно сделать. Проведу пару тренировок. Но не могу ничего обещать.

– Можешь вызывать на тренировки кого угодно, я все устрою. Только делай это поскорее. После того, как помотришь следующие игры, я жду от тебя имени.

– Я не люблю игры.

– Как это, не любить игры...

Павел покинул церковь. Он не знал, что делать. Конечно, он ожидал, что Император потребует именно этого, но от того ситуация не изменилась. Все, кто умели владеть оружием, или, хотя бы, кулаками, были заняты в личной охране Императора или стен. И никто из них не согласится пойти на охоту. Быть может, только Артур. Но Павел не был готов его звать –

он видел слишком много смертей дорогих ему людей, этот летящий в голову Эрикссона топор будет сниться ему еще очень долго. Больше, чем любой другой кошмар. Я проведу пару тренировок. Посмотрим, может, не все так плохо. В конце концов, у меня есть большие планы, и мне нужен еще человек, размышлял Павел.

Со своими мыслями о будущем он брел до дома. Так редко думаешь о том, что будет потом. Я научился планировать больше, чем на несколько минут вперед. Открыв дверь в свой дом, Павел увидел, как Лорел в позе ругающегося родителя что-то говорит его дочери.

– Где ты нашла его? – вполголоса кричала Лорел.

– На улице. В песке. Он блестел, я нашла его в песке.

– Зачем ты принесла его домой?

– Он меня попросил.

– Что это еще значит, попросил?

– Вот так, – и Маша показала пальцем на надпись на крестике. Лорел прочла её: «Спаси и сохрани». – Он попросил, ну я и спасла.

Павел взял крестик в свои руки. Он был христианским, с русскими надписями. Павел считал, что всегда должен помнить, кем бы он был вне Изхелла. Поэтому отлично знал русский от своих родителей, и обучил ему Лорел и Марию. Заниматься здесь все равно больше нечем.

– Маша, ты молодец, что помогла ему. – обратился он к дочери, присев на колени. – Но мы не можем хранить такие вещи, есть законы. Чтобы спасены были и мы, мы должны их соблюдать.

Павел убрал крестик в карман.

– Что ты с ним сделаешь? – дочь явно переживала за его судьбу.

– Просто найду место, где ему было бы хорошо.

– Папа, не бросай его. Он ведь попросил.

– Не волнуйся, не брошу.

– Как встреча с Императором? – спросила Лорел.

– Все в порядке. Но мне нужен новый напарник.

– Ар...

– Нет! – прервал Павел твердо и резко.

– Ладно. Ты пойдешь к Барду?

– Да, сейчас, нужно идти. Говорят, у нас будут новенькие. Ты все еще не хочешь?

– Слишком грустно вспоминать о былом мире.

– Да, прости. Я пойду. Встретимся позже, Мариш! – поцеловав свою дочь, попрощался

Павел.

5

Вечера у Барда были чем-то особенным в этом городе. Пару раз в неделю люди собирались вечером у костра, чтобы послушать человека, который знал о прошлой жизни больше, чем они сами. Они обсуждали все, что происходило с ними сегодня, вчера, год назад, два. Вспоминали времена, когда еще не было войны. Они выговаривались и отдыхали душой.

В этот вечер к компании присоединились еще двое совсем молодых парней. Завтра у них будет первая тренировка с оружием. А сегодня их впервые допустили до взрослых разговоров.

– Поздравляю ребята, добро пожаловать в компанию! – приветствовал Бард. Молодые люди не скрывали своей радости и в то же время очень стеснялись. Раньше им даже руки при встрече не подавали. А теперь, они здесь, избранные возрастом. – Правда, повод у нас сегодня совсем не радостный. Погиб один из наших людей, наш большой товарищ. Эриксон был хорошим парнем.

«Да, хорошим, только для вас это всего лишь этикет.» – корил их в мыслях Павел. Никто в самом деле не переживал из-за его смерти, кроме самого Павла. Твоя боль – это твоя боль.

– Но эта потеря принесет и пользу для нас. Теперь мы стали еще больше едины, как одна большая семья. У дикарей ничего не выйдет. Давайте почтим его память минутой молчания.

«Они просто делают вид, что смерть значит много. Для них все уже давно стало совсем не так. Всё человеческое быстро уступает место необходимости выжить любой ценой. О чем речь. В этом городе даже кладбища нет.» – злости Павла не было предела. Он был зол на них, зол, за то, что им все равно и за то, что они лгут, что это не так. А ведь он бок о бок живет с ними. Эриксон жил. – продолжал упрекать их Павел, пока длилась минута молчания.

После нее, Бард продолжил:

– Прискорбно встречать вас при таких обстоятельствах, ребята. Но ничего не поделаешь. Раньше пацаны вроде вас не знали, что такое настоящая смерть. Вам это объяснять уже не нужно.

– Да, для нашего возраста у нас слишком большой опыт отчаяния, – ответил один из новеньких.

Здесь никто на самом деле не знал кому сколько лет. Павлу говорили, что раньше люди жили до 80, и до 90, а некоторые переступали и через сотню. При этом они, бывало, не выглядели на свой возраст, казались значительно моложе. Это еще один показатель того, как мы себя загубили, часто думал Павел, когда видел вырезки из газет с текстами о 90-та летних стариках. Однако Павел много раз старался утешить себя тем, что далеко не каждый из этих стариков прожил интересную жизнь. «Я пережил ядерную войну, я каждый день борюсь за выживание, каждый мой поход в лес – сродни пережитой смерти, и я еще умудрился стать отцом» – с улыбкой думал он.

Каждый раз, вспоминая о Лорел и Марии, он улыбался. Он думал о них всегда. Ему казалось, что если он перестанет это делать, то случится что-то страшное. Думая о них, он вспоминал о своем детстве, которого у него не было. Они с отцом вместе добирались до города. Его отец стал здесь охотником, и не хотел, чтобы сын занимался тем же. Но он понимал, что помешать ему не сможет. Мать всегда мечтала, чтобы Павел сумел выбраться из этого города, когда жизнь вновь станет обычной. Жаль, что он был слишком мал, чтобы запомнить её. Но уходя, она завещала сыну свои мечты.

Люди забыли, что жизнь может быть нормальной, рассуждал Павел. Что мы можем не только сжигать тела, не только хоронить их в земле, но и выращивать в ней хлеб. Сложно сказать, когда это случилось. Возможно, еще до войны. Иначе кто бы в здравом уме сбросил ядерную бомбу, да и вообще, развязал бы войну. Мы не знали ничего кроме страха, дружба

была таким редким явлением, как мясо на наших тарелках. Забавное сравнение. Что самое забавное, так это что для выживания требуется и то и другое.

- Ну, давайте знакомиться.
- Меня зовут Маркус, я из Америки.
- А я Фабио, я итальянец.
- Ким Джен Ын, Китай.
- Том, Британия.
- Рой, Ирландия.
- Хавьер, Мексика.
- Андрес, Испания.
- Паоло, Италия.
- Марио, Италия.
- Поль, Франция.
- Мирослав, Сербия.
- Павел, Россия.
- Артур, Россия.
- Расмус, Финляндия.
- Лавров, Россия.
- Ну прямо военный пересчет.
- Скорее как школьников на линейке, – пошутил Расмус.
- Ну а вы парни, откуда? – спросил Бард.
- Джером, Америка.
- Фернандо, Испания. Мы недолго продержались на войне.
- На этой войне мало кто долго продержался.

– Забавно, правда? – вступил Маркус. – Люди всю жизнь думали, что будут воевать с инопланетянами, или их ждет восстание машин и борьба с ними за выживание. Все время готовились к войне с другими, а в итоге – стали убивать друг друга.

– Мы сами не хотим жить – сказал Лавров. – Любая наша судьба – конец.

– Время любит повторять старые истории – отметил Павел.

– Рим сохранился из-за Ватикана, ну, относительно сохранился. – предположил Бард. – Я сам из Глазго, хороший был городишка, чем-то похож на все остальные. Теперь они все ни на что не похожи.

– Я шел сюда пешком, – заговорил Паоло. – Я был не один, со своей семьей. Но дошел только я. Совсем пацаном еще был. Теперь моя жизнь ни на что не похожа.

– Так много стран. Раньше ведь их было много, да? Городов, стран... – спросил Джером.

– Да, очень много. 251 страна, более 2,5 миллионов городов. И не таких, как наш Эбисс.

А намного больше.

– Твой Глазго был больше?

– Намнооого больше. Огромный город. Сейчас это кажется невероятным, что можно построить что-то более здоровое, чем наши стены или Колизей.

– Говорят, и Колизей был больше.

– Да, его порядком разбомбило. Ты даже не представляешь, как много здесь раньше жило людей.

– Скучаешь по своему городу?

– Ха-ха, скажешь тоже. Тыкни мне здесь пальцем в человека, который не мечтает промотать кассету назад.

– Кассету?

– Это специальное устройство... ааа, сейчас это не важно.

– А почему вы на поверхности? А не, скажем, в метро. Ведь там безопаснее.

– Можно сколько угодно прятаться в подвалах, погребках, туннелях. Но рано или поздно захочется солнца. Свежего воздуха. Увидеть звезды над головой. Черт возьми, ты понимаешь, о чем я? Жизни хочется. И пусть опасной.

– А кто-нибудь видел звезды хоть раз, ну, чтобы рядом? Как мы с вами друг друга.

– Видели. И летали. И возвращались. Эх, сколько целей было в жизни у нашего человечества. И все к чертям. Чертям Императора.

По кругу прокатился смех.

– Тише, ребят. Кто знает, где его свита.

– А как он стал Императором?

Возникла пауза. Никто не любит говорить о своих ошибках, подумал Павел.

– Мы выбрали его. Было голосование, мы его выбрали. Он хороший мальчик, умный правитель.

– А на играх, что он придумал, действительно так страшно?

– Вообще, это не он их придумал. Их придумали задолго до него, он, так сказать, просто вспомнил. И я бы на вашем месте туда не ходил. Бессмысленное избиение людей, не видящих смысла в своей жизни.

– Но я хочу стать охотником, мне нужно привыкать к жестокости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.